

АЛЕКСАНДР А. НИКИФОРОВ¹

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

ORCID: 0000-0001-8754-9933

Особенности формирования гибридных рисков в российской публичной сфере²

doi: 10.22394/2074-0492-2023-1-219-241

Резюме:

Исследования в современной общественной науке нередко обращаются к проблеме гибридизации политики: от серой зоны между авторитаризмом и демократией, до роли новых медиа и неформальных практик в восстановлении мира в постконфликтных обществах. Научный вклад данной статьи обусловлен рассмотрением проблемы риск-рефлексии в публичной сфере с точки зрения различных акторов: государства, общественных движений и граждан. Опираясь на теории рефлексивной модернизации У. Бека и космополитики, автор развивает концепцию гибридизации рисков, в рамках которой выделяются различные модели гибридизации рисков в публичной сфере и политике: диффузия, доминирование, слом иерархии и каузация. На материалах исследований эпидемии COVID-19 в ходе проведенного анализа практик российского государства и особенностей массового сознания автор показывает, как процесс гибридизации риска соотносился со снижением согласованности институтов государственной власти и трансформацией политического отчуждения в российском обществе. Связь между моделями гибридизации рисков и формированием когнитивных картин мира рассмотрена через практики фреймирования общественных движений и протестных кампаний, что иллюстрируется на примерах отдельных общественных движений и публичных требований части массовых акций 2019-2020 гг. в России. Анализ эффектов гибридизации дается в контексте проблемы государственного управления рисками через рассмотрение делиберативной и авторитарной моделей для управления восприятием рисков. По итогам анализа делается вывод о высоких издержках поддержания согласованности восприятия рис-

219

1 Никифоров Александр Андреевич — кандидат политологических наук, доцент кафедры этнополитологии СПбГУ. Научные интересы: проблемы политической нестабильности и государственной состоятельности, революций и социальных движений. E-mail: nikiforov@politpro.ru

2 Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект No 22-78-10049 «Государство и гражданин в условиях новой цифровой реальности».

The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project No. 22-78-10049 "State and Citizen in the New Digital Reality".

ков в модели управляющего (авторитарного) знания по мере усложнения общественной жизни и распространения цифровых медиа, выступающих как мультипликатор риск-рефлексии.

Ключевые слова: общество риска, риск, размышление о риске, гибридизация, знание, космополитика, эпидемия, COVID, цифровизация

Alexander A. Nikiforov¹

Saint-Petersburg State University, Russia

Specificities of Hybrid Risk Formation in the Russian Public Sphere

Abstract:

Contemporary research in social science often turns to the problem of the hybridization of politics: analyzing the “gray zone” between authoritarianism and democracy; defining the role of new media, and understanding informal practices in restoring peace in post-conflict societies. The contribution of the present article is based on an investigation of the concept of risk hybridization to explore the reflection on risk in the public sphere for the state, social movements, and citizens. The sociology of U. Beck with the theory of reflexive modernization — as well as the concept of cosmopolitics — are used to explore different effects of risk hybridization models (diffusion, dominance, breakdown of hierarchy and causation) for the public sphere and politics. The author used materials on the COVID-19 epidemic — practices of the Russian state and the change of mass consciousness — to analyze interrelations between the process of risk hybridization and decrease in the coherence of state institutions and the transformation of political alienation in Russian society. The relationship between risk hybridization models and the formation of collective cognitive maps is considered through the practice of framing social movements and protest campaigns. Said nexus is illustrated by the Russian cases of social movements and specific public claims of mass protests actions in 2019-2020. The state governance perspective is used as a framework for a discussion of the effects of risk hybridization on limitations of deliberative and authoritarian models for managing of risk, as well as its perception by social groups. In the conclusion, the author highlights the high cost of maintaining the consistency of reflection on risk in the model of managing (authoritarian) knowledge. Moreover, the author discusses the rising complexity of social reality and the spread of digital media that multiplies reflection on risk.

Keywords: risk society, risk, reflection on risk, hybridization, knowledge, cosmopolitics, epidemic, COVID, digitalization

1 Alexander A. Nikiforov — candidate of science in political science, associate professor of the faculty of political science of Saint-Petersburg State University. Research interests: political instability and state capacity issues, revolution and social movement study. E-mail: nikiforov@politpro.ru

Введение

Вопрос о гибридации политики и экономики в политической науке достаточно прочно связан с проблемой пограничных случаев, возникающих на пересечении авторитарного и демократического правлений. Речь идет об адаптации политий через размывание их устойчивых — часто нормативных — оснований за счет гибкой комбинации различных управленческих практик. Дискуссии вокруг экономической теории рентоориентированного поведения [Tullock 1967; Бьюкенен 2015; Аджемоглу, Робинсон 2015], концепции неопатримониализма [Roth 1968; Eisenstadt 1973; Фисун 2010] и гибридных режимов в теории демократизации [Levitsky, Way 2002; Diamond 2002; Меркель, Круассан 2002] рассматривают проблему формирования политического правления, при которой политический режим воспроизводится через противоречивый баланс практик неформального доминирования и современной архитектуры политических институтов. В частности, эта проблема связывается с неустойчивыми разграничениями между политикой и экономикой, поскольку институты права при «капитализме родственников и друзей» или «неовотчинного правления» не создают устойчивой автономии экономической деятельности, потенциально актуализируя вопросы о праве собственности или административной ренты по результатам конфликтов внутри правящего класса [Kenyon, Naoi 2010].

221

В этом отношении можно отметить несколько направлений осмысления политики. С одной стороны, речь идет об ограниченности применения модели либерального порядка, что демонстрирует в том числе и «гибридный поворот» в изучении практик установления мира в постконфликтных обществах [Mac Ginty 2011]. С другой стороны, усложнение общественных отношений и размывание их границ (например, при цифровой трансформации) переводит фокус внимания на изучение квазиинституциональных средств в политике (провокаций, акций против политических противников, фабрикаций ложных обвинений, физических расправ и пр.) [Fieschi, Heywood 2004; Bordignon, Ceccarini 2015], включая их использование на уровне международных отношений в случае исследований гибридной войны [Galeotti 2019].

Исследования цифровых медиа анализируют гибридацию как характерную особенность современной политики в целом, включая демократические страны. Ложные новости, феномены постправды и новой цифровой дипломатии рассматриваются как новые обстоятельства, которые изменяют сложившиеся отношения граждан, медиа и политики. В качестве следствия отмечается разрушение иерархии в процессах формирования гражданских норм, что размывает основу формирования конвенционального знания о политике [Iannelli 2015; Chadwick 2017; Giusti, Piras 2020].

В этом отношении гибридность публичной сферы может рассматриваться как общая проблематика анализа демократических и авторитарных политических режимов. Это находит отражение в изучении использования социальных медиа при цифровом авторитаризме [Dragu, Luru 2021], равно как и во внимании к феномену политических скандалов, которые рассматриваются как преимущественно атрибут плюрализма в публичной и политической сферах [Tumber, Waisbord 2019].

Для анализа публичной сферы представляется крайне важным определение способов взаимодействия с неопределенностью, когда формулируются границы вызовов/рисков, влияющие на конвенциональное знание о социальном мире.

Речь идет о риск-рефлексии публичных и политических акторов, что является одной из составляющих политического процесса. Если в плюралистической модели политики риск-рефлексия, скорее, имеет характер публичного соперничества (contention) между акторами с последующим согласованием взглядов, то неплюралистические политики в большей степени могут стремиться контролировать/сдерживать риск.

222

В этом смысле целью настоящего исследования является определение связи риск-рефлексии в публичной сфере с политическим процессом через модели гибридизации рисков. Особенности данных моделей иллюстрируются в ходе анализа эпидемии COVID-19, а также деятельности отдельных общественных движений и публичных требований массовых акций 2019–2020 гг. по проблематике гражданских свобод, трудовых прав и экологии в России.

Используемый подход опирается на результаты рассмотрения автором проблемы риск-рефлексии, изложенные в более ранней публикации [Никифоров 2022].

Гибридизация риска: концептуальные основания

В своей классической работе У. Бек, рассуждая о проблеме незнания как научной ограниченности в обществе риска, выводит интересную нить размышления, согласно которой распространение знания и обнаружение наукой рисков лишь усиливают их влияние, поскольку теперь «онаучивание» касается не столько природы и человека, сколько принципов знания, технологий и свойственных этому ошибок. Наука оказывается все более обращена на себя, что направляет ее критику на противоречия между дисциплинами и подходами, что, в свою очередь, ведет к тому, что риски «взламывают традиционные, внутрипрофессиональные, внутридисциплинарные возможности обработки ошибок», заставляя формировать новые отношения между наукой, политикой и обществом [Бек 2001: 241-243].

По мысли социолога, это усугубляется тем, что риск становится «двигателем самополитизации модерна» из-за раздвоения гражданина, который больше не может через институты демократии контролировать изъятые из регулирования процессы в науке и экономической жизни, протекающие автономно и без его ведома [Бек 2001: 278-283].

Таким образом, вошедшее в современную социологию понятие рефлексивной модернизации описывает противоречивые процессы в виде умножения числа публичных агентов и, с другой стороны, роста потребности в оценке рисков из-за увеличивающейся неопределенности.

Если рассмотреть это на уровне агента знания и в категориях пространства-времени, то рефлексивность неразрывно связана с неопределенностью как осознанием возникшего разрыва между принципами действительного настоящего и их изменением в будущем. Это предполагает динамический процесс, в котором происходит множественное отражение некоторой области знания от своих мыслимых вариантов (вероятностей), что соответствует поиску новых способов согласования действительности для сохранения ее целостности (например, обеспечение социальной стабильности общества). Здесь ключевое значение приобретает взаимодействие актора с неопределенностью-риском (фиксация, оценка, ранжирование, управление и пр.), особенно когда мы говорим об установлении нормативных рамок. В этом смысле нововременная модель государства может быть представлена в роли сознания, отчужденного от человека в интересах понимания и управления обществом с позиции общественного блага. Тогда лежащая в основе «общества риска» триада — нелокализуемость, неисчислимость и некомпенсируемость риска — для политических и публичных акторов должна быть преодолена через позиционирование в системе пространственных и временных координат: указаны формальные признаки угрозы, легальные полномочия, сроки и порядок управления.

223

В первую очередь речь идет о государстве, чья инфраструктурная власть служит обеспечению рациональности понимания и достижения общего интереса. Здесь следует обратить внимание на ту часть понятия правительственности М. Фуко, которое связано со стратегиями формирования знаний об объектах регулирования [Фуко 2003], что в условиях рефлексивности означает постоянное стремление преодолевать неопределенность области управления.

Рассмотрение политического управления через пространственное измерение знания подводит нас к концепции космополитики, предложенной И. Стингерс и Б. Латуром как способ определения и представления отношений по поводу вещей, в которых они выделены как установленный предмет ведения или проблема [Latour 2007]. Если космополитика есть способ картирования связи про-

странства знания с (политическим) управлением, то соответствующие институциональные фабрики являются агентами разметки, нормирования и легитимации этого картирования в качестве области государственного администрирования. Через дисциплинирующие практики эти карты областей администрирования обеспечивают в широком смысле выстраивание системы сил. Их приложение к предметам беспокойства (общественным повесткам требований) создает аналог гравитации в политическом поле.

Риск-рефлексия со стороны государства чаще тяготеет к циклу поиска аналогий или подражанию из-за ригидных нормативных рамок деятельности, организационной памяти инстанций и соответствующих фреймов, которые обеспечивают стереотипию при идентификации и оценке нового.

В России, как отмечает С. Кордонский, управление неразрывно связано с изъятием ресурсов (ренты) с территорий и экономического рынка для сохранения целостности, обеспечения безопасности, социальной стабильности и защиты от различных угроз. В рамках такого подхода понятие угрозы становится основополагающим началом для организации государственных ведомств и служб, которое связывает их функции с классификаторами вызовов, чья онтология и структура ранжирования может быть более чем спорной. Следствием подобного процесса становится то, что «природа государства и сложившийся организационный механизм генерирования и нейтрализации угроз имеют самоподдерживающийся и самовоспроизводящийся характер» [Кордонский 2013: 73].

Создаваемые таким образом реестры рисков приобретают обоснования в виде особого «научного подхода», когда не вполне прозрачные экспертные обоснования ранжируют номенклатуру угроз, что становится отправной точкой для последующего их превращения в поле администрирования [Hagmann, Caveltu 2012: 91]. В этом отношении внешние источники знания о проблеме, влияющие на повестку и переориентацию ресурсов, могут включать не классическое академическое знание, а любые острые сигналы (от публичных инцидентов до совместных компаний статусных акторов), которые интерпретируются как возможная необходимость корректировки машинерии нормативных полей или расширения классификатора угроз.

В публичной сфере существует большое разнообразие акторов и достаточно низкий порог участия в формировании общественной повестки. Это определяет динамизм риск-рефлексии, поскольку границы рисков и их понимание могут постоянно оспариваться участниками, сталкивающимися с вызовами со стороны воспринимаемой действительности. В этом отношении оспариваются как раз принятые ранее области риска, когда происходит попытка изменить их границы, иерархию, каузацию и пр.

Соответственно, речь идет о гибридизации рисков, когда происходит качественное изменение области знаний о риске и подходов к управлению им. Если раскрывать предлагаемое понятие, то оно обозначает динамический процесс, при котором восприятие и интерпретация риска выходит за его конвенциональные границы и ведет к изменению космополитики: от создания новой космограммы риска-угрозы до способа управления им.

Гибридизация рисков в связке с политическими акторами оказывается еще более сложной, поскольку в таком случае они должны включать способ атрибуции причин риска, изменение модели управления им, влияние риск-рефлексии на космографию угроз в целом, что в истории нередко может быть обнаружено в политической идеологии и массовом сознании [Голубев 2019].

С целью создания аналитического описания этих процессов для политических акторов предлагаются модели гибридизации риска в публичной и политической сферах (см. табл. 1). Здесь необходимо отметить, что гибридизация не может рассматриваться как негативное явление само по себе, поскольку она неразрывно связана с идеей изменения и развития. Аналогичным образом приведенные далее в исследовании примеры не могут на этом основании оцениваться как негативный вызов.

225

Таблица 1. Модели гибридизации рисков
Table 1. Hybridization risk models

Модель	Параметр риска	Нормализованный риск	Гибридный риск	Эффект и пример
Диффузия	Отношение к области знания	Известная ограниченная область	Риск объединяет несколько (нетипичных) областей	Неопределенность. Проблема выброса парниковых газов
Доминирование	Восприятие значимости риска	Не трансформирует долгосрочную повестку рисков	Риск становится новым и устойчивым предметом беспокойства, способным подчинять себе другие	Проблематизация. Глобальная борьба с международным терроризмом после 9/11

Слом иерархии	Ответственность за управление риском	Процедурное управление (ОГВ с соответствующим предметом ведения)	Ручное управление (ОГВ высшего уровня)	Трансформация лидерства. Исключительное ЧП, катастрофа или аналогичное событие
Каузация	Причины возникновения риска	Имеет логику объяснения, характерную для схожих рисков	Логика исключительного объяснения или эссенциализм, не соответствующий сложности риска; нарушение принципа фальсифицируемости при объяснении природы риска	Идеология. Теория еврейского заговора

В случае диффузии гибридизация происходит посредством распространения риска на другие области знания из-за его нетипичного проявления. Если рассмотреть начальный этап эпидемии COVID-19, то можно отметить высокую неопределенность относительно путей заражения вирусом и способов лечения, что делало его в глазах обывателя нелокализуемым и опасным, расширяя подверженные угрозе области.

Модель доминирования может быть тесно связана с диффузией, но в этом случае гибридизация определяется воздействием события на массовое сознание. В этом случае связанная с риском ситуация может трактоваться как исключительное событие, новая точка отсчета в картине мира. Этому нередко соответствует цепочка политических действий, относящихся к политической нестабильности: бунты, восстания, революции. В космограмме рисков этому соответствует изменение в системе «сил тяготения», когда появляется новый «сверхтяжелый объект» (воспринятый риск), перераспределяющий отношения масс в свою пользу.

Другая особенность гибридизации (слом иерархии) в политическом поле связана с нарушением принципа иерархии ответственно-

сти за управление риском. В этом случае управление риском обычным способом становится невозможным, поскольку его характер, нередко из-за эффекта доминирования события в общественном мнении, требует ответных экстренных мер. Изменение иерархии ответственности за управление риском может создавать эффект политизации, когда вопрос из неполитической области превращается в предмет политических отношений на самом высоком уровне государственного управления (например, речь может идти о последствиях чрезвычайных происшествий).

Модель каузации следует рассматривать как наиболее сложную и даже спорную в плане применения в анализе. Причина этого заключается в том, что возникающий способ объяснения возникновения риска весьма схож с научным. Расхождение с научным способом интерпретации можно обнаружить на нескольких уровнях. Во-первых, наблюдается асимметрия между уровнем сложности объясняемой действительности, к которой относится обнаруженный риск, и, с другой стороны, простотой объяснения его причин или следствий. Это демонстрируют нередкие примеры детерминирования политических изменений в стране заговором или иностранным вмешательством. Во-вторых, особенностью модели каузации может быть попытка выстроить на основе риска или его причин онтологию, когда риск определяется как особая сущность, при этом утверждения о причинах или следствиях риска даются некритически, например, не отвечают принципу фальсифицируемости К. Поппера. Проблематичность данной модели гибридизации состоит еще и в том, что она не эксплицитна и может быть частью плюрализма научного знания. Развитие науки не было свободно от принятия подобных концепций, ныне признанных ненаучными: теория прирожденного преступника, расовая теория, евгеника и др. Ключевым здесь является включение подобного способа объяснения причин или следствий риска в принципы управляющего знания на уровне политических или государственных структур, поскольку тогда гибридный риск может оказаться моделью для обоснования и планирования репрессий.

Можно отметить, что приведенные модели могут быть связаны между собой в случае, например, чрезвычайных событий, когда риск становится доминирующей повесткой, которая используется силами конкурентных политических коалиций, формирующими обоснование для политических действий.

Данный взгляд не лишен слабых сторон. Во-первых, гибридизация всегда относительна, поскольку зависима от установленной точки отсчета в виде нормализованного знания и объяснения окружающего мира. Во-вторых, этот процесс связан с запаздыванием

согласования и нормализации картины мира или ее частей при риск-рефлексии (прошлая норма vs новые связи).

С другой стороны, нововременная область политического в принципе существует посредством постоянной гибридизации рисков, что предполагает формулирование новых консенсусов и изменение предметов ведения правовых институтов. В таком случае возникает вопрос о критерии изменения, когда можно зафиксировать произошедшую гибридизацию риска. Представляется, что это относится к случаю, когда мы наблюдаем достаточно масштабные изменения на уровне обоснования деятельности институтов или акторов. При этом мы можем анализировать данный процесс и в случае, если нам необходимо определить траектории возможных изменений, обоснование которых по понятным причинам будет носить вероятностный характер.

В завершении теоретической части можно проиллюстрировать гибридизацию риска на примере возникновения в социально-экономической политике России проблемы моногородов после массовых протестов в г. Пикалево Ленинградской области в 2009 году.

228

В рамках последствий мирового экономического кризиса в России у частных экономических субъектов возникли финансовые проблемы, что привело к увольнениям на предприятиях с последующими акциями протеста и, частности, к перекрытию федеральной трассы А144. После визита В. Путина в эпицентр событий в г. Пикалево были проведены экстренные совещания, по итогам которых были выплачены компенсации уволенным и сокращенным сотрудникам.

Определение моногорода как пространства риска можно связать с разработкой Министерством регионального развития РФ документа «Основные направления поддержки монопрофильных городов», в котором были установлены критерии соотнесения с этим риском населенных пунктов, которые поделили на депрессивные и прогрессивные [Федоринова, Терентьева, Письменная 2009]. Для управления новым социально-экономическим риском была разработана ФЦП с выделением субсидий под комплексные инвестиционные планы диверсификации экономики соответствующих населенных пунктов.

В данном случае можно говорить о совмещении моделей гибридизация риска (доминирование этой темы в СМИ, политизация проблемы через освещение требований протестующих и ручного управления ситуацией президентом на месте) с институциональным эффектом в виде выделения моногородов в объект специального контроля и финансирования. Последнее в некоторой степени повторило советскую модель управления, когда решение проблемы особой важности предполагало переподчинение ее управленческим

структурам более высокого ранга (например, создание ведомственных учебных заведений, ЗАТО).

При этом стоит отметить, что гибридизации риска моногородов не являлась обязательной, поскольку речь могла идти о повышении эффективности практик правоприменения, связанных с порядком судопроизводства, процедурой банкротства, введения внешнего управления, выполнения норм трудового законодательства и исполнения социальных гарантий.

Дальнейший анализ гибридизации рисков будет построен на примере интерпретации и управления риском во время эпидемии COVID-19 и, с другой стороны, на практиках российских общественных движений, которые продемонстрировали в своих требованиях достаточно явные примеры гибридизации рисков.

Гибридизация и управление риском COVID-19 в России

Пандемия коронавируса стала глобальным чрезвычайным событием, которое потребовало на уровне институтов государств создать новые правовые рамки существования граждан на продолжительное время, поставив правительства перед необходимостью найти баланс между проведением жестких дисциплинарных противоэпидемических мер и сохранением базовой сложности общественных отношений, достигнутой на текущем этапе экономического развития.

Анализ управления риском COVID-19 в России демонстрирует, что возникновение новой угрозы жизни и здоровью граждан во многом сформировало гибридный способ управления данным риском. В первую очередь речь идет о специфике регулирования эпидемии, изменившей композицию правового поля, что выразилось в смещении его основания после введения ограничения конституционных прав и свобод (право свободы передвижения), приостановлении действия отдельных норм законов. Здесь можно говорить о разной степени реализации моделей гибридизации: доминирования (центральность эпидемической угрозы в медийной повестке); диффузии (влияние риска на различные аспекты общественной жизни); слома иерархии (новая нормативная база, роль Роспотребнадзора). Как отмечают юристы, установление гибкого правового режима «повышенной готовности» размыло ранее сформированные рамки режимов чрезвычайной ситуации (ФЗ № 68) и чрезвычайного положения (ФЗ № 3). В результате гибридный правовой режим создал удобный способ для управления и наложения на граждан ограничений без необходимости обеспечения жестких и ресурсозатратных правовых рамок режима чрезвычайного положения [Черногор, Залоило 2020].

При этом можно отметить попытку управлять риском как с точки зрения его предотвращения (введение «режима самоизоляции» как эвфемизм карантина), так и с точки зрения контроля интерпретации риска в публичном дискурсе посредством запрета на распространение недостоверной информации (постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 года № 417).

Во вторую очередь, как отмечают исследователи [Селиверстов и др. 2021], на фоне процессов централизации государства с уменьшением политической автономии субъектов Федерации и ростом фактора бюджетного федерализма эпидемия резко расширила социальную ответственность регионов. Был создан новый вариант автономии, но в области управления возросшими издержками на базе имевшихся (нередко ограниченных) ресурсов, что сформировало в ряде регионов различные противоэпидемические режимы (например, Москва, Санкт-Петербург, Чеченская Республика). Исследование регионального медийного дискурса эпидемии и динамики заболеваемости демонстрирует достаточно противоречивую картину: существовала московская повестка эпидемии, ретранслированная некоторыми регионами, и региональная, в которой отказ от противоэпидемического дискурса и ослабление ограничений часто не соответствовали динамике заболевших [Первушин 2022]. Также можно отметить противоречия между наложенными ограничениями и проведением массовых мероприятий (например, проведение праздника выпускников в Санкт-Петербурге). После отмены базовых ограничений Роспотребнадзором в ряде регионов хотя и были расформированы оперативные штабы и сняты COVID-ограничения, но при этом сохранились запреты на проведение массовых мероприятий. В частности, необходимость соблюдения санитарных мер продолжала служить обоснованием запрета на проведение митингов в ряде регионов (например, в Москве, Санкт-Петербурге, Нижегородской и Омской областях).

Восприятие эпидемии коронавируса в России в основных чертах повторило специфику ряда европейских стран и США, когда лавинообразный характер заражений способствовал как общественному алармизму (модели диффузии и доминирования), так и росту конспирологических объяснений (модель каузации), отрицанию и даже противодействию санитарным мероприятиям со стороны граждан и ряда организованных политических акторов.

С одной стороны, пандемия естественным образом гибридизировала публичный дискурс, создав, как отмечают исследователи, свой словарь, который стал «тематической доминантой, объединившей медицинский, политический, экономический, рекламный, медийный, сетевой и обиходно-разговорный дискурсы» [Северская 2020: 890]. С другой — гибридизация риска стала следствием реакции

на инфодемию части населения, не разделявшего представления о принципах устройства социальной реальности.

В одном случае происходила гибридизация через объяснимое публичное наделение вируса акторностью («коварный» вирус «наступает», не «сдается» и пр.) [Карасик и др. 2020]. В другом случае произошло рассогласование в интерпретации эпидемии, что выразилось в популяризации трактовок, объясняющих распространение вируса планом глобального управления или желанием фармацевтических компаний обеспечить свои финансовые интересы.

Данные опроса ВЦИОМ фиксируют значимую долю граждан (до 54%), поддерживающих интерпретации теорий деструктивных заговоров [Теории заговора — и что люди о них думают? 2020]. При этом можно отметить значимую долю граждан, критически относившихся к санитарно-эпидемическим мероприятиям (21%) [Коронавирус и вакцинация... 2022a] и массовой вакцинации (40%) [Коронавирус и вакцинация... 2022b], что сформировало значимый сегмент «ковидоскептиков» или «ковид-диссидентов». Анализ таких групповых представлений связывает причины подобных взглядов с «паникой агентности» (способ компенсации чувства утраты своей субъектности) и социально-историческим пессимизмом (воспринимаемый упадок окружающего общества и мира) [Кирзюк 2021]. Цифровые медиа часто служат формированию подобных сообществ и при этом могут выступать механизмами анонимной психологической поддержки и формирования общего мировоззрения участников через гибридное собирание окружающей действительности посредством конспирологии.

В случае пандемии можно рассматривать возникновение подобных сообществ как реализацию потребности в изоляции от неопределенности окружающего мира, как минимум временно. На уровне же риск-рефлексии в обществе в целом это свидетельствует о нарушении синхронизации представлений о риске между административными структурами и общественными группами. Здесь стоит отметить, что этот разрыв актуализирован противоречивой публичной повесткой, когда общий взгляд на эпидемию не был сразу сформирован на уровне экспертного и медицинского сообщества. COVID-скептицизм был характерен для ряда негосударственных СМИ и при этом эксплуатировался некоторыми депутатами в ходе избирательной кампании в Государственную Думу. Как и в случае многих зарубежных стран, в России вопрос вакцинации сформировал основания для размежевания на уровне политических партий, в частности, исследователи отмечают особенно негативно настроенную к вакцинации в тот период партию КПРФ [Винокуров 2021].

Гибридизация риска в повестке общественных движений

В отличие от гибридизации риска на уровне групп общественного мнения, когда это становится чаще способом психологической адаптации, общественные движения представляют ту форму взаимодействия, в которой общая интерпретативная рамка реальности является основой мобилизации для достижения коллективных целей. В этом случае на первый план выходят процессы фреймирования как коллективные интерпретативные ориентации участников движения относительно моральных ценностей, конкретных проблем и способов управления ими [Snow et al. 1986]. Это определяет степень и характер расхождения с конвенциональным знанием, которое нормируется административным аппаратом государства, легитимируется общественным консенсусом и пр.

Для последующего анализа были выбраны общественные движения, внутри которых процессы фреймирования демонстрируют гибридизацию риска на уровне публичной повестки требований. Критериями выбора стало оспаривание либо явное противоречие между публичной риторикой движения и базовой политической онтологией, поддерживаемой государственными структурами.

232

Одной особенностью гибридизации риска как угрозы или опасности в протестных практиках является фрейм персонального контроля, когда предполагается, что президент России является особой фигурой, способной разрешить возникшую проблему. В отдельных случаях, получивших освещение в СМИ (например, обращение строителей космодрома «Восточный» через надписи на крышах), форма коммуникации схожа со способом подачи сигнала бедствия. Такая модель гибридизации, предполагающая диффузию и в завершённом виде слом иерархии, назначает президента основным адресатом коллективных обращений вместо ответственных и полномочных органов. В целом это характерно не менее¹ чем для 3–8% неполитических акций, связанных чаще всего с недовольством в вопросах социального обеспечения, реформирования системы образования или здравоохранения, трудовых отношений, ЖКХ, экологии. Приведённые цифры означают, что не менее чем в 3% соответствующих акций президент выступал ключевым адресатом обращений, а в не менее чем 8% случаях обращение к президенту фигурировало как отдельно, так

1 Здесь и далее необходимо принять во внимание, что данные отражают лишь минимальные значения, зафиксированные в ходе учебно-исследовательского проекта мониторинга массовых акций, тогда как в действительности подобных требований могло быть больше.

и наравне с прочими адресатами (правительством, региональными органами власти и др.), чьих полномочий касались требования¹.

Данную особенность легко можно связать с влиянием патерналистской политической культуры и прагматикой выстраивания публичного статуса президента в региональной политике. Однако на фоне сложившейся повестки высоких социальных обязательств регионов и разграничения полномочий в системе органов власти воспроизводство данной модели гибридизации формирует внутренне противоречивые и потенциально неустойчивые интерпретативные ориентации.

В некотором смысле политические протестные кампании против российского политического режима зеркальным образом отражают упомянутую модель гибридизации риска через редукционистский фрейм угрозы, который связан почти исключительно с президентом России. Подобный способ гибридизации на основе всех четырех моделей имеет широкое распространение, связанное с дискурсом в рамках революционных движений, президентских электоральных кампаний, антикоррупционных движений внутри гибридных политических режимов. В России иллюстрацией этого является антикоррупционная протестная кампания последних лет против президента В. Путина, которая демонстрирует пример гибридизации, когда объяснение социально-экономических проблем и ограничений гражданских прав часто сводится к фигуре главы государства. Восприятие президента В. Путина в качестве ключевого источника общественно-политических проблем России (или доминирующей угрозы/риска) в требованиях участников было характерно не менее чем для 8% политических акций². Если учитывать только многочисленные акции, то доля акций с подобными требованиями была существенно выше.

В этом случае нужно отметить, что применение модели каузации актуально преимущественно для низового протестного дискурса. Необходимо отметить, что упомянутая модель гибридизации с интерпретацией президента в качестве основной угрозы пересекается с положениями ранее упомянутых теорий персоналистских авторитарных [Хантингтон, Пшеворски и др.] и неопатримониальных персоналистских режимов [Рот, Эванс, Фисун и др.], которые

- 1 Подсчет автора по данным учебно-исследовательского проекта мониторинга массовых акций за 2019–2020 гг. по релевантным лозунгам и требованиям акций, размер выборки составил 1114 акций непарламентского характера.
- 2 Подсчет автора по данным учебно-исследовательского проекта мониторинга массовых акций за 2019–2020 гг. по релевантным лозунгам и требованиям акций (объяснение недостатков развития страны через фигуру президента, требования отставки и пр.), размер выборки составил 760 акций по тематике гражданских свобод, политических права и требований.

обосновывают доминирующую роль политических руководителей в установлении данных политических режимов.

Пример следующих движений демонстрирует гораздо более явно специфические особенности гибридизации риска-угрозы через модель каузации. В обоих случаях угроза связывается с утратой суверенитета Российской Федерацией или СССР.

Для политического объединения «Национально-освободительное движение» гибридизация происходит через фрейм угрозы суверенитету России, который является ключевой интерпретацией, что во многом определяет политический синкретизм его повестки, сочетающей на основе конспирологии дискурсы антиколониализма, этатизма, антикоммунизма, вождизма. Речь идет об интерпретации социально-политической действительности через принцип колониальной зависимости России, которая навязывается Соединенными Штатами посредством прямого внешнего управления политическими институтами [Часто задаваемые вопросы...].

В случае разнородных неформальных движений за восстановление СССР гибридизация связана с лежащим в ее основе фреймом нелегального характера российской государственности, выполнение законов которой рассматривается как угроза. Признание последователями принципа юридической ничтожности факта распада СССР и объявление российской власти «оккупационным режимом» стало объяснительным основанием для формирования внутри сообщества историко-правового нигилизма, ретретизма и распространения конспирологии. В таком варианте повестка движения оказывается несоизмерима с основами существования государственных структур России: участники движения отрицают полномочия представителей органов правопорядка и судов, статус законов РФ и даже удостоверяющие личность документы и пр.

В современной России экологические вопросы стали отдельной публичной повесткой, которая поднималась общественными движениями в рамках проблем городского развития, проектов капитального строительства и ЖКХ. При этом протестные кампании вокруг экологических угроз дают примеры их различной гибридизации. Рассмотрим нередкую модель диффузии, когда восприятие угрозы выходит за свои границы, распространяясь на вопросы истории, культуры, политики, затрагивая региональные/местные идентичности.

Наиболее характерным для такой гибридизации является фрейм тотальной угрозы групповому существованию, характерный для конфликтов при возведении объектов капитального строительства (предприятия, полигоны захоронения отходов и пр.). Хотя для экологических протестов в разных странах мира характерен дискурс смертельной угрозы, однако в российской специфике он нередко дополняется риторикой геноцида. Речь идет о дискурсе, в котором граждане из-за вос-

приятия реализуемых проектов рассматривают себя в роли заложников или мишеней (лозунги: «Нет геноциду», «Хватит нас травить!», «Нет заводам смерти», «Мы не тараканы, чтобы нас травили» и пр.).

Подобная гибридизация была характерна не менее чем для 7% акций протеста¹. Если учитывать только экологические акции, то доля подобной риторики в заданных хронологических рамках была не менее 9%.

Примечательно, что после начала мусорной реформы гибридизация рисков в дискурсе недавних региональных экологических протестов связана с актуализацией проблемы центра и периферии («Нет московскому мусору»), региональной идентичности («Поморье — не помойка», «Защитим Русский Север» и пр.). Это содержательно конструирует риторику протеста таким образом, что она приобретает антиколониальные черты, когда символами метрополии становится хищническая по отношению к территории деятельность частных или государственных компаний.

Управление рисками и государственное управление: государство и граждане

Гибридизация рисков в публичной сфере различными акторами предполагает на уровне государственного управления определение баланса между использованием модели согласования знания о риске, как в случае делиберативных практик демократизации по Ю. Хабермасу, и применением директивного стиля администрирования, когда контроль восприятия, определения и управления риском строится на использовании общего управляющего знания.

Советская политическая модель, идеология и научное знание были ориентированы на контроль рисков через их понимание в рамках системной закрытости, что предполагало оперирование проблемами в рамках нормативности диалектического материализма и устоявшейся таксономии. Распад СССР и окончание системы «государственной истины» создали запрос на альтернативные концепции управления рисками. Представляется, что последние десятилетия актуализировали со стороны политического руководства страны запрос на повышение международной самостоятельности и статуса России, чему соответствовал рост популярности дискурса суверенизации («продовольственный», «промышленный», «цифровой» суверенитет). Возникающая в таких условиях потреб-

1 Подсчет автора по данным учебно-исследовательского проекта мониторинга массовых акций за 2019–2020 гг. по релевантным лозунгам и требованиям акций, размер выборки составил 458 акций по городской проблематике и экологии и правам животных.

ность в управляющем рисками знании тяготеет к опоре на новую иерархию ценностей культурно-цивилизационной и политической автономии, которая лежит, скорее, вне советской, классической европейской правовой и даже научной традиции.

По этой причине возникает вопрос о перспективах использования новой версии управляющего знания на уровне государственных институтов для управления рисками. В иерархической модели это предполагает необходимость синхронизации космограмм угроз между разными уровнями участников публичной сферы для их контроля рисков и снижения неопределенности. В связи с этим можно отметить неизбежность столкновения такой модели с рядом фундаментальных проблем.

С одной стороны, речь идет об усложнении социальной действительности за счет социально-экономического развития, что благодаря цифровой трансформации повышает рефлексивность публичных акторов. С другой стороны, синхронизация восприятия рисков натывается на неизбежное расхождение представлений о содержании риска между участниками публичной сферы. Этот процесс рассогласования и потери общего представления можно обозначить регрессионной спиралью. Данное понятие изначально относится к области тестирования программных продуктов и обозначает рост издержек на проверку работоспособности функциональности информационной системы по мере ее усложнения. В случае государственного управления риском это создает как проблему роста затрат на его администрирование, так и сложность удержания общего содержания интерпретативной рамки, когда ее нужно адаптировать к возрастающей сложности общественных отношений (новым областям, неполитической сфере). Последнее связано с проблемой формулирования общего знания таким образом, чтобы оно могло применяться к новым объектам реальности и общественным отношениям без потери общего смысла и связанности.

В противном случае включенные в процессы локальной сложности акторы могут оказаться невосприимчивы к общей концепции знания о риске, что в конечном итоге будет предполагать перспективу публичного оспаривания подобного способа управления.

С одной стороны, пример биополитики «нулевой терпимости» в КНР в ходе эпидемии COVID-19 продемонстрировал способность государственных структур длительное время управлять риском при сохранении высокого уровня сложности современной жизни общества (например, через внедрение ИТ-технологий и роботизации для обеспечения жизни граждан при периодической изоляции). С другой — данный пример показал невозможность бесконечной синхронизации государственных и общественных представлений о риске, что заставило отказаться от мер и идеологии антиковидных ограничений (политики «нулевой терпимости») в 2022 году.

В условиях неспособности государств преодолеть регрессионную спираль знания, если не рассматривать теоретические возможности достижения синхронизации государственных и гражданских представлений об угрозах через глубокую цифровизацию с использованием сильного искусственного интеллекта, управление риском может опираться практически исключительно на автономию и фрагментацию риск-рефлексий. В этом случае гибридизация угроз для публичных акторов должна создавать противоречия, которые будут развиваться в логике классической интегративной теории конфликта Л. Козера [Coser 2001]. Следуя классике социологии конфликта, для сохранения социального мира несогласные локальные группы должны существовать изолированно для предотвращения их объединения и последующего доминирования.

Выводы

Таким образом, анализ гибридизации рисков в публичной сфере является перспективным способом изучения общественного согласия и легитимации политических институтов через оценку глубины и характера рассогласования взглядов на природу и границы угроз.

237

На примере COVID-19 в России ситуация неопределенности обеспечила гибридизацию восприятия угрозы у значительной группы граждан через рост конспирологических трактовок, создав диссонанс с нормативной позицией государственных структур. Политика последних также приобрела гибридный характер на уровне правового режима и модели управления в ущерб системности при интерпретации и управлении риском.

Выделенные модели гибридизации рисков могут быть применены для анализа политического управления, основанного на доминировании и принципах иерархии, что может помочь ответить на вопрос о перспективной траектории трансформации политического режима, особенностей его управленческих практик.

Рассмотренные примеры отдельных общественных движений и акций протеста в области гражданских прав, трудовых отношений и экологии иллюстрируют, как различные модели гибридизации риска формируют разрывы в интерпретации общего социального мира. Это находит отражение в сохранении и укоренении политического отчуждения граждан, а также в противоречивом стремлении государственного аппарата как к контролю над управлением рисками, так и к использованию для этого гибридных методов (расширение логики применения антиэкстремистского законодательства, *ad hoc* изменение принципов иерархии административной ответственности при вмешательстве в ситуацию).

Рост уровня сложности общественной жизни и цифровизация могут рассматриваться как катализаторы риск-рефлексии, что в свою очередь может расширять возможности для формирования гибридных рисков.

Перспективы трансформации государственного управления с точки зрения создания унитарных интерпретативных концепций угроз вызывают серьезные сомнения, поскольку сталкиваются не только с ростом затрат и требований к качеству администрирования, но и с ограничением возможности согласования восприятия риска для политических акторов и граждан в современных обществах. В широком смысле это ставит перед исследователями вопрос о способах сохранения общего понимания социального мира и реализации принципов плюрализма в процессе риск-рефлексии.

Библиография / References

Аджемоглу Д., Робинсон Д. (2015) *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*, М.: АСТ.

— Acemoglu D., Robinson J. A. (2015) *Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty*, Moscow: AST. — in Russ.

Бек У. (2001) *Общество риска. На пути к другому модерну*, М.: Прогресс-Традиция.

— Beck U. *Risk society. Towards a new modernity*, Moscow: Progress-Traditsiya. — in Russ.

Бьюкенен Д. (2015) Границы свободы. Между анархией и Левиафаном. *Муниципальная экономика*, 2: 2-10.

— Buchanan D. (2015) The limits of liberty. Between anarchy and Leviathan. *Municipal Economy*, 2: 2-10. — in Russ.

Винокуров А. (2021) Пандемические разногласия. *Коммерсантъ*, 30 июля (<https://www.kommersant.ru/doc/4920415>).

— Vinokurov A. (2021) Pandemic controversy. *Kommersant*, July 30. — in Russ.

Голубев А. В. (2019) *«Если мир обрушится на нашу республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1922–1941 годах*, 2-е изд. Москва, Берлин: ООО «Директ-Медиа».

— Golubev A. V. (2019) *“If the world hit our republic”: Soviet society and the external threat in 1922–1941*, 2nd ed. Moscow, Berlin: “Direct-Media” LLC. — in Russ.

Карасик В. (2020) Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции. *Политическая лингвистика*, 2(80): 25-34.

— Karasik V. (2020) The epidemic in the mirror of media discourse: facts, assessments, positions. *Political Linguistics*, 2(80): 25-34. — in Russ.

Кирзюк А. А. (2021) «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2: 484-509.

- Kirzyuk A. A. (2021) "I have no fear": covid-dissidents in search of agency and truth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2: 484-509. — in Russ.
- Кордонский С. (2013) Классификация и ранжирование угроз. *Отечественные записки*, 2(53): 52-73.
- Kordonsky S. (2013) Classification and ranking of threats. *Otechestvennye zapiski*, 2(53): 52-73. — in Russ.
- Коронавирус и вакцинация. Отношение к эпидемии и практика вакцинирования* (2022а). ФОМ, 13 апреля (<https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14715>).
- *Coronavirus and vaccination. Attitudes towards the epidemic and vaccination practices* (2022а). FOM, April 13 (<https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14715>). — in Russ.
- Коронавирус и вакцинация. Считается ли вакцинация необходимой мерой в борьбе с пандемией* (2022b). ФОМ, 15 сентября (<https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14780>).
- *Coronavirus and vaccination. Is vaccination considered a necessary measure in the fight against the pandemic* (2022b). FOM, September 15 (<https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14780>). — in Russ.
- Меркель В., Круассан А. (2002) Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (II). *Полис. Политические исследования*, 2: 20-30.
- Merkel W., Croissant A. Formal and informal institutions in defective democracies (II). *Polis. Political Studies*, 2: 20-30. — in Russ.
- Никифоров А. А. (2022) Онтологическое и политическое измерения риск-рефлексии: общество риска и цифровая трансформация. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*, 18 (4): 489-503.
- Nikiforov A. A. (2022) Ontological and political dimensions of reflection on risk: risk society and digitalization. *Political Expertise: POLITEKS*, 18 (4): 489-503. — in Russ.
- Первушин Н. С. (2022) Медиафера в период пандемии COVID-19: региональные и дискурсивные различия в установлении повестки дня. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3 (169): 277-300.
- Pervushin N. S. (2022) Media sphere during the COVID-19 pandemic: regional and discursive differences in setting the agenda. *Monitoring public opinion: economic and social change*, 3 (169): 277-300. — in Russ.
- Северская О. И. (2020) Ковидиоты на карантинкулах: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик. *Коммуникативные исследования*, 7 (4): 887-906.
- Severskaya O. I. (2020) Covidioty on a holiday: coronavirus dictionary as a diagnostic field of current discursive practices. *Communication Studies*, 7(4): 887-906. — in Russ.
- Селиверстов В. Е., Кравченко В. А., Клисторин В. И., Юсупова А. Т. (2021) Российские регионы и федеральный центр в противостоянии глобальным угрозам: год борьбы с пандемией коронавируса. *Регион: экономика и социология*, 1 (109): 3-46.
- Seliverstov V. E., Kravchenko V. A., Klistorin V. I., Yusupova A. T. (2021) Russian regions and the federal center in confronting global threats: a year of the coronavirus pandemic control. *Region: Economics and Sociology*, 1 (109): 3-46. — in Russ.

Теории заговора — и что люди о них думают? (2020) ВЦИОМ, 29 июля (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/teorii-zagovora-i-chto-lyudi-o-nikh-dumayut>).

— *Conspiracy theories — and what do people think about them?* (2020) VTsIOM, July 29 (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/teorii-zagovora-i-chto-lyudi-o-nikh-dumayut>). — in Russ.

Федоринова Ю., Терентьева А., Письменная Е. (2009) Государство не будет спасать депрессивные моногорода. *Ведомости*, 29 сентября (<https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2009/09/29/gosudarstvo-ne-budet-spasat-depressivnye-monogoroda>).

— Fedorinova Y., Terentyeva A., Pismennaya E. (2009) The state will not rescue depressed single-industry towns. *Vedomosti*, September 29 (<https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2009/09/29/gosudarstvo-ne-budet-spasat-depressivnye-monogoroda>). — in Russ.

Фисун А. А. (2010) К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация. *Политическая концептология*, 4: 158-187.

— Fisun A. A. (2010) Rethinking Post-Soviet Politics: Neopatrimonial Interpretation. *Political Conceptology*, 4: 158-187. — in Russ.

Фуко М. (2003) Правительственность (идея государственного интереса и ее генезис). *Логос*, 4-5: 4-22.

— Foucault M. (2003) Governmentality (the idea of public interest and its genesis). *Logos*. 4-5: 4-22. — in Russ.

240

Часто задаваемые вопросы. — *Национально-Освободительное Движение (НОД)* (<https://nodrf.ru/vopros-otvet>)

— FAQ. — National Liberation Movement (NOD) (<https://nodrf.ru/vopros-answer>). — in Russ.

Черногор Н. Н., Залоило М. В. (2020) Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса. *Журнал российского права*, 7: 5-26.

— Chernogor N. N., Zaloilo M. V. (2020) Metamorphoses of law and challenges to legal science in the context of the coronavirus pandemic. *Journal of Russian Law*, 7: 5-26. — in Russ.

Bordignon F., Ceccarini L. (2015) The Five-Star Movement: A hybrid actor in the net of state institutions. *Journal of Modern Italian Studies*, 20 (4): 454-473.

Chadwick A. (2017) *The hybrid media system: Politics and power*, Oxford: Oxford University Press.

Coser L. A. (2001) *The functions of social conflict*, London: Routledge.

Diamond L. (2002) Elections without democracy: Thinking about hybrid regimes. *Journal of democracy*, 13 (2): 21-35.

Dragu T., Lupu Y. (2021) Digital authoritarianism and the future of human rights. *International Organization*, 75 (4): 991-1017.

Eisenstadt S. N. (1973) *Traditional patrimonialism and modern neopatrimonialism*, Beverly Hills: Sage Publications.

Fieschi C., Heywood P. (2004) Trust, cynicism and populist anti-politics. *Journal of political ideologies*, 9(3): 289-309.

- Galeotti M. (2019) *Russian political war: moving beyond the hybrid*, London and New York: Routledge.
- Giusti S., Piras E. (2020) *Democracy and fake news: information manipulation and post-truth politics*, London and New York: Routledge.
- Hagmann J., Cavelti M. D. (2012) National risk registers: Security scientism and the propagation of permanent insecurity. *Security Dialogue*, 43 (1): 79-96.
- Iannelli L. (2015) *Hybrid politics: Media and participation*, London: SAGE Publications.
- Kenyon T., Naoi M. (2010) Policy uncertainty in hybrid regimes: evidence from firm-level surveys. *Comparative Political Studies*, 43 (4): 486-510.
- Latour B. (2007) Turning around politics: A note on Gerard de Vries' paper. *Social studies of science*, 37 (5): 811-820.
- Levitsky S., Way L. A. (2002) Elections without democracy: The rise of competitive authoritarianism. *Journal of democracy*, 13 (2): 51-65.
- Mac Ginty R. (2011) *International peacebuilding and local resistance: Hybrid forms of peace*, New York: Palgrave Macmillan.
- Roth G. (1968) Personal rulership, patrimonialism, and empire-building in the new states. *World politics*, 20 (2): 194-206.
- Snow D. A., Rochford Jr. E. B., Worden S. K., Benford R. D. (1986) Frame Alignment Processes, Micromobilization, and Movement Participation. *American Sociological Review*, 51 (4): 464-481. 241
- Tullock G. (1967) The welfare costs of tariffs, monopolies, and theft. *Economic inquiry*, 5 (3): 224-232.
- Tumber H., Waisbord S. (2019) Media and scandal. H. Tumber, S. Waisbord (eds.) *The Routledge Companion to Media and Scandal*, London and New York: Routledge: 10-21.

Рекомендация для цитирования:

Никифоров А. А. (2023) Особенности формирования гибридных рисков в российской публичной сфере. *Социология власти*, 35 (1): 219-241.

For citations:

Nikiforov A. A. (2023) Specificities of Hybrid Risk Formation in the Russian Public Sphere. *Sociology of Power*, 35 (1): 219-241.

Поступила в редакцию: 30.01.2022; принята в печать: 19.03.2022

Received: 30.01.2022; Accepted for publication: 19.03.2022